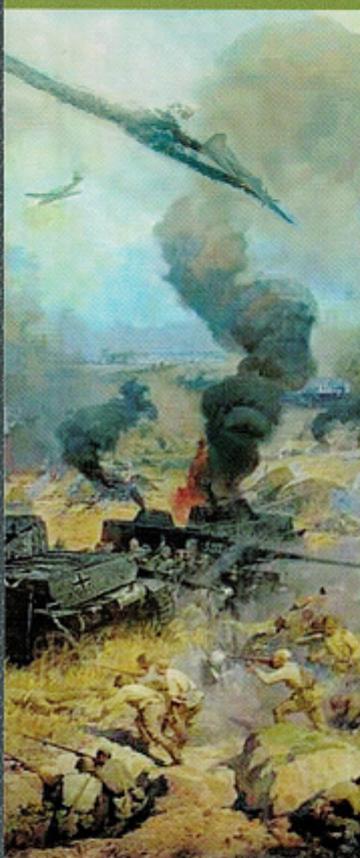

Николай Карташов

ВАТУТИН

Николай
Карташов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Третье ратное поле России

Если ехать поездом из Москвы в Белгород, то после Курска вам встретится небольшая станция Прохоровка. В нескольких километрах от нее вы увидите на огромном поле героические «тридцатьчетверки», застывшие на пьедесталах. Это знаменитое Прохоровское танковое поле. Его еще вслед за Куликовым и Бородинским называют Третьим ратным полем России.

То, что происходило здесь 12 июля 1943 года под небольшой станцией Прохоровка, очевидцы сравнивали с адом: небо померкло от тысяч самолетов, поле стало черным от танков. Сотни бронированных машин сошлись лоб в лоб и уже не могли разойтись. Битва длилась до глубокого вечера.

Огромны были людские потери. В свое время один из местных жителей – Игнат Ефименко – мне рассказывал, что после битвы, когда хоронили в братских могилах наших солдат и офицеров, было собрано несколько мешков партийных и комсомольских билетов...

Главный маршал бронетанковых войск Герой Советского Союза П. А. Ротмистров, танки армии которого как раз сошлись с немецкими, впоследствии вспоминал:

«Навстречу двигались две громадные танковые лавины. Поднявшееся на востоке солнце слепило глаза немецких танкистов и ярко освещало нашим контуры фашистских танков.

Через несколько минут танки первого эшелона наших 29-го и 18-го корпусов, стреляя на ходу, лобовым ударом врезались в боевые порядки немецко-фашистских войск, стремительной сквозной атакой буквально пронзив боевой порядок противника. Гитлеровцы, очевидно, не ожидали встретить такую большую массу наших боевых машин и такую решительную их атаку. Управление в передовых частях и подразделениях врага было явно нарушено. Его «тигры» и «пантеры», лишенные в ближнем бою своего огневого преимущества, которым они в начале наступления пользовались в столкновении с другими нашими танковыми соединениями, теперь успешно поражались советскими танками Т-34 и даже Т-70 с коротких дистанций. Поле сражения клубилось дымом и пылью, земля содрогалась от мощных взрывов. Танки насакивали друг на друга и, сцепившись, уже не могли разойтись, бились насмерть, пока один из них не вспыхивал факелом или не останавливался с перебитыми гусеницами. Но и подбитые танки, если у них не выходило из строя вооружение, продолжали вести огонь.

Это было первое за время войны крупное встречное танковое сражение: танки дрались с танками. В связи с тем что боевые порядки перемешались, артиллерия обеих сторон огонь прекратила. По той же причине не бомбила поле боя ни наша, ни вражеская авиация, хотя в воздухе продолжались яростные схватки и вой сбитых, объятых пламенем самолетов смешивался с грохотом танковой битвы на земле. Отдельных выстрелов не было слышно: все слилось в единый грозный гул.

Напряжение сражения нарастало с потрясающей яростью и силой. Из-за огня, дыма и пыли становилось все труднее разобрать, где свои и где чужие. Однако, имея даже ограниченную возможность наблюдать за полем боя и зная решения командиров корпусов, получая их донесения по радио, я представлял, как действуют войска армии. Что там происходит, можно было определить и по улавливаемым моей радиостанцией приказанием командиров наших и немецких частей и подразделений, отдаваемым открытым текстом: «Вперед!», «Орлов, заходи с фланга!», «Шнеллер!», «Ткаченко, прорывайся в тыл!», «Форвертс!», «Действуй, как я!», «Шнеллер!», «Вперед!», «Форвертс!». Доносились и злые, ядреные выражения, не публикуемые ни в русских, ни в немецких словарях.

Танки кружили, словно подхваченные гигантским водоворотом. Тридцатьчетверки, маневрируя, изворачиваясь, расстреливали «тигров» и «пантер», но и сами, попадая под прямые выстрелы тяжелых вражеских танков и самоходных орудий, замирали, горели, гибли. Ударяясь о броню, рикошетили снаряды, на куски рвались гусеницы, вылетали катки, взрывы боеприпасов внутри машин срывали и отбрасывали в сторону танковые башни».

Наиболее тяжелый, крайне ожесточенный бой вел 29-й танковый корпус генерала И. Ф. Кириченко, наступавший вдоль железной и шоссейной дорог. Враг бросил против него основные силы танковых дивизий СС «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова», упрямо предпринимая одну за другой настойчивые попытки прорваться к Прохоровке. Однако войска корпуса дрались с исключительным упорством и не уступали достигнутых рубежей».

В этот же день ожесточенные поединки проходили на других участках Воронежского фронта, но наибольшая степень их накала была в танковом сражении под Прохоровкой.

*Здесь, под Прохоровкой,
В сорок третьем,
Смерть презрев,
по сигналу атаки-
Шли солдаты наши в бессмертие,
Становились бессмертными танки.*

Они, эти поэтические строки, как нельзя к месту, образно и одновременно реалистично отражают батальную картину битвы. Жирная черноземная земля горела, словно антрацит. Плавилась, как в мартеновской печи, танковая броня. День из-за огромных черных клубов дыма и пыли превратился ночь. Раненые не покидали поле боя, танкисты, оставив объятые пламенем боевые машины, дрались в рукопашных схватках, орудийные расчеты глохли от непрерывной пальбы, но стояли насмерть. Беспрецедентный героизм и непоколебимая стойкость были массовыми.

Чтобы представить, какими были эти поединки, приведем лишь один пример из многих подобных. На танковый батальон, которым командовал капитан П. А. Скрипкин, обрушилась большая группа немецких танков. Непосредственно танк комбата ударил по головному «Тигру». Тот закрутился на месте, вспыхнул, как сухая солома. Второй «Тигр» дернулся от двух снарядов, но новый меткий выстрел заставил его окончательно остановиться и запылать ярким факелом. По танку открыли огонь сразу три машины противника. Несколько снарядов угодили в командирский КВ, танк охватил огонь. Механик-водитель старший сержант А. Николаев и радист А. Зырянов, спасая раненого комбата, вытащили его из танка, укрыли в воронке. Но один из «Тигров» шел прямо на них. Тогда Николаев бросился в горящий танк и направил его навстречу врагу. «Тигр» остановился, пытаясь уйти назад. Но было поздно. Объятый пламенем, КВ на полной скорости врезался в немецкий танк. Прогремел страшный взрыв. В небо взметнулся столб огня и дыма.

Танковое побоище длилось весь день, все поле боя было усеяно сотнями сгоревших или искореженных танков, самоходных орудий, раздавленных бронетранспортеров, автомашин и разбитых самолетов. Близлежащие окрестности напоминали мертвую пустыню — сгоревшие дотла хаты, другие постройки, а также снесенные артиллерийским огнем, словно смерчем, деревья, кусты...

Бывший начальник штаба XXXXVIII танкового корпуса вермахта генерал-майор танковых войск Ф.-В. Меллентин в своих мемуарах «Танковые сражения. Боевое применение танков во Второй мировой войне. 1939–1945» засвидетельствовал: «К вечеру 14 июля стало очевидно, что немецкое наступление сорвано. Уже в самом его начале оказалось, что прорыв передовых позиций русских, прикрытых мощными минными полями, представляет собой гораздо более трудную задачу, чем нам представлялось. Ужасные контратаки русских, в которые, невзирая на потери, бросались значительные массы людей и техники, тоже стали для нас неприятным сюрпризом... Операция «Цитадель» завершилась полным поражением. После провала этого в высшей степени напряженного наступления стратегическая инициатива перешла к русским».

В свое время журналистская судьба свела меня с Андреем Константиновичем Герасимовым. В дни битвы Герасимов командовал ротой танковой разведки. Находился в самом пекле сражения. Вместе с ним тогда побывали на «танковом» поле.

- Вот тут, у самой кромки железнодорожного полотна, мы стояли, – вспоминал усталый сединами ветеран. – Мы не знали, сколько часов шло сражение. Гарь и копоть затмили солнечный день...

Потом танкист прервал свой рассказ. Долго молча смотрел в бескрайнюю даль поля. Тогда, в июле, он мог навсегда упасть на эту исковерканную бомбами и снарядами, вспоротую танковыми траками землю. Он, как и многие тысячи солдат, стоял на стонущем поле насмерть. Горел в танке. Но выжил...

На высоком холме поля в момент сражения находился командный пункт генерала П.А.Ротмистрова. КП сохранился до сегодняшних дней, как вечная и негасимая память. Отсюда генерал руководил битвой. В те дни у командующего побывал военный корреспондент Борис Полевой, а потом уехал в эскадрилью летчиков. В районе Прохоровки Борис Полевой встретил летчика без ног Алексея Маресьева, о котором напишет потом книгу «Повесть о настоящем человеке».

Известный английский журналист Александр Верт, посетивший места битвы вскоре после сражения, писал: «Мы ехали по страшно, опустошенной местности к северу от Белгорода, где в июле происходили самые ожесточенные бои в ходе Курской операции «Живого места нет», как говорят русские. Такая картина простиралась на многие километры вокруг...»

И далее: «район к северу от Белгорода превратился в мрачную пустыню – даже все деревья и кусты здесь были сметены артиллерийским огнем. Поле боя все еще было усеяно сотнями сгоревших танков и разбитых самолетов».

К слову сказать, у некоторых нынешних западных журналистов взгляд совершенно иной на события лета 1943 года. Без зазрения совести они пишут о том, что не было под Прохоровкой никакого сражения, мол, все это выдумки сталинской пропаганды, а в последующие годы – брежневской. Угодливо подпевают им и наши некоторые журналисты и историки.

Безусловно, легко быть стратегом, наблюдая за боем со стороны. Особенно спустя много десятилетий. Кое-кто из отечественных «исследователей» договорился до того, что немцы вышли победителями в сражении под Прохоровкой, а 5-я гвардейская танковая армия генерал-лейтенанта танковых войск П. А. Ротмистрова и 5-я гвардейская общевойсковая армия генерал-лейтенанта А. С. Жадова потерпели поражение. Но если гитлеровцы победили, тогда почему они не выполнили свою главную задачу – не прорвали последнюю полосу обороны Воронежского фронта и не пошли дальше на Курск? Ответ дали сами гитлеровские генералы: не пошли потому что операция «Цитадель» закончилась для них полным провалом.

...В Прохоровском музее танкового сражения за последние годы побывали тысячи российских и зарубежных гостей. В книге отзывов музея я нашел запись одного из участников битвы Н. Истомина, переписал в свой журналистский блокнот. Вот она:

*Под ней земля огнем фугаса взрыта,
Шли самолеты за звеном звено.
Она в народе стала знаменита,
Как Подмосковное Бородино!*

Документы свидетельствуют: от Прохоровки после битвы остались одни воронки, горы щебня и кирпича. Соседние села – Прелестное,

Сторожевое, Береговое также сгорели дотла. Нанесенный ущерб исчислялся миллионами.

Трудно измерить подвиг прохоровцев перед сражением и после него. Они рыли окопы, строили железную дорогу и были рядом с бойцами во время битвы. Помогали, чем могли. А в первую весну приступили к севу. Фронту нужен был хлеб. Женщины, старики, дети выходили на израненные поля. Руками этих людей в послевоенные годы потом отстраивалась Прохоровка. Пять тысяч мужчин-прохоровцев не вернулись с войны.

Потому неслучайно много на этой земле памятников, обелисков... Гранитный солдат, склонивший голову. Замершая в бесконечной скорби мать. Курган, увенчанный шпилем и звездой. Застывшие на пьедесталах прославленные «тридцатьчетверки», легендарная «Катюша»... Это памятники народному подвигу. Они, словно часовые, стоят в вечном карауле, напоминая новым и новым поколениям о ратной славе дедов и отцов.

И еще немало здесь храмов. Белокаменный и златоглавый Петропавловский храм возведен и на Прохоровском поле как символ вечной благодарной памяти защитникам Родины. В нем на мраморных плитах высечены тысячи имен воинов, павших в жарком июле 43-го. И этот скорбный список продолжает пополняться новыми именами.

Далеко окрест слышен и колокольный звон. Через каждые двадцать минут бьет колокол. Первый звон о героях Куликовского поля, избавителях Руси от монголо-татарского ига. Второй – о солдатах Бородино, верных сынах России, сражавшихся с войсками Наполеона. Третий – в память о битве под Прохоровкой, о всех павших в борьбе с фашизмом.

Я видел Прохоровку недавно. Видел многочисленные памятники, обелиски, поставленные героям сражения. Участников битвы люди встречают здесь как родных. Приглашают в дом.

Редактор местной районной газеты «Истоки» Владимир Чурсин, с которым мы дружны много лет, рассказывал, что каждым летом в годовщину сражения в Прохоровку приезжают ветераны. И хотя их остались единицы – всё равно они стараются побывать здесь, чтобы вспомнить то жаркое лето 1943 года, свою молодость и поклониться друзьям-однополчанам, сложившим свои головы на поле брани. К памятникам и обелискам лягут живые цветы. И, как водится, в каждом доме поднимут фронтовые сто граммов. За живых и павших! За нашу Победу!

Трепетно поплывет колокольный звон над Третьим полем русской славы. Его звуки понесут в сердца людей тепло и добро, отдадут дань солдатам, с кровавых не вернувшихся полей. Сколько стоит крещеная Русь, столько времени колокола являются верными спутниками человека – от рождения и до его упокоения. Они созывали людей на совет и на праздник, поднимали на борьбу с лютым врагом... Так было и так будет. А значит, будет жить наша Россия.